

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

ЛЮБИНА РОЩА

РОМАН

Москва
«Книга по Требованию»
2014

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

*Памяти
замечательного русского
переводчика
ЛЕОНИДА ГОРБИКА*

Баженов Г. В.

Б 16 Любина роща. *Роман*. — М.: Книга по
Требованию, 2014. — 240 с.

ISBN 5-7117-0113-4

ISBN 978-5-711-70113-2

«Любина роща» — лучший роман из более чем двадцати книг Георгия Баженова, созданных писателем за долгую литературную карьеру.

Многие годы роман вынужденно пролежал в столе автора, затем наконец был напечатан и неоднократно с успехом переиздавался в России.

Любовь как самоотречение и подвиг Женщины — вот нравственное ядро романа.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-7117-0113-4

ISBN 978-5-711-70113-2

© Баженов Г. В., 2006

© Издательство

«Книга по Требованию», 2014

...вижу, ясно вижу, создатель, что мне уготована вечная кара, ожидающая тех, кто совершал зло, зная, в чем добро.

Микеланджело

Мать сидела на кухне, когда Люба выкатила на балкон коляску с сыном; Сережа во сне чмокал губами.

Мать завтракала, задумчиво глядя в окно. Любуясь Сережкой, Люба нежно улыбалась, но, встретившись с матерью взглядом, сразу стала серьезной и деловой. Независимо и гордо неся впереди себя живот (она ждала второго ребенка), Люба ушла к себе в комнату, занялась уборкой.

После завтрака мать начала гладить на кухне белье, которое постирала еще вчера.

Потом она ушла в свою комнату.

Позже очень мучительным окажется то, как по их квартире будет ходить следователь, как он будет спокойно и деловито измерять рулеткой расстояние от коляски до края балкона и, главное, как он будет смотреть на них, на мать и на Любу... как будто это они могли убить Сережу. Во взгляде следователя не будет сочувствия, только недоверие и безжалостность.

Валентин, вызванный телеграммой, прилетит лишь на следующий день.

Когда Люба очнулась, Сережу уже увезла «скорая помощь». Рядом с Любой осталась одна молоденькая медсестра в белом халате, она беспрестанно подносила к ее носу нашатырный спирт, и Люба в конце концов с трудом, но открыла отяжелевшие веки...

Через полтора часа, вызванная соседями, приехала Вероника. Больше полугода, с последней ссоры, она не приезжала сюда, ни к матери, ни к Любе с Валентином. Люба лежала на диване, глаза у нее были отрешенно-мутные, она смотрела в потолок в одну точку и не понимала, о чем спрашивала старшая сестра. Вероника спрашивала, вызвали ли Валентина. Но кто его мог вызвать?.. Это именно Вероника пошла на почту и отбила Валентину телеграмму.

Сначала был звонок. Звонила мать (она поехала с Сережей на «скорой помощи»), трубку подняла Вероника. Мать сказала:

— Все кончено. — И даже не стараясь сдерживать себя, что так не походило на мать, разрыдалась в трубку.

Люба как будто что-то почувствовала, прислушивалась к телефонному разговору. Вероника положила трубку на рычаг и медленно, будто в глубокой задумчивости, подошла к Любе.

— Он умер, — тихо, с трудом выдавила из себя Вероника.

— Нет! — Люба закрыла глаза. — Не может быть!..

Вероника обняла ее трясущиеся плечи, из глаз у нее тоже полились слезы, но Люба вдруг оттолкнула сестру:

— Не трогай меня! Я не верю вам! Вы лжете, вы все лжете... — Глаза у нее, когда она кричала, были ненормальные.

Мать вернулась, и Вероника в первый момент с трудом узнала ее. От бывлой материнской статности и величавости ничего не осталось: она отяжелела, сгорбилась, как будто несла на плечах грузную ношу. Дышала мать трудно, с придыханием, держа правую руку на сердце — там нестерпимо давило.

Ни мать, ни Вероника не сказали друг другу ни слова. Нечего было говорить.

С порога мать заглянула в Любину комнату и, как бы еще не решаясь, все же превозмогла себя, вошла к дочери. Люба смотрела на мать затравленно, испуганно, натянув одеяло до подбородка.

Мать села на стул рядом с Любой и, борясь со слезами, тихо проговорила:

— Он умер, наш мальчик... — И еще тише добавила: — Завтра его можно будет забрать...

— Это ты убила его! — выдавила из себя Люба. — Ты, ты!

— Люба, как ты можешь... — укоризненно проговорила Вероника.

— А ты молчи! Ты вообще молчи! — в испуге закричала на старшую сестру

Люба. — Тебе было наплевать на меня! На Сережу! На Валентина! Вам всем было наплевать на нас! Вы отвернулись от нас — так радуйтесь теперь, радуйтесь!

— Что ты говоришь, глупая... — сквозь слезы отвечала мать. — Подумай только... что ты говоришь!

— А ты... разве ты мать?! Разве ты бабушка?! — продолжала Люба. — Ты же видела, он на балконе. Ты же была на кухне. Ты нарочно ушла отсюда...

— Ты просто не в себе! — защищалась мать. — Ты хоть думай, что ты говоришь!

— А разве ты не видела, что он на балконе? Ты же знаешь, когда он на балконе, я всегда сижу на кухне, слежу за ним. Я ушла из кухни, потому что там была ты.

— Но ты мне ничего не сказала!

— Ах, тебя нужно попросить?! Перед тобой нужно упасть на колени?! А ты сама не могла догадаться, что его нельзя оставлять без присмотра? Ты ушла отсюда и мне ничего не сказала. Ты оставила его... А-а, я знаю, — вдруг как бы даже с воодушевлением заговорила Люба, — вы все хотели нам зла, и мне, и Валентину, и Сережику — ну вот теперь дождались, радуйтесь! Что же вы?!

— Люба, прекрати! Прекрати сейчас же! — не выдержала Вероника.

— А ты вообще молчи, сестра называется! Это вы, вы... я вас всех... ненавижу! Уходите отсюда, уходите из моей комнаты!

Лицо у матери покрылось серыми, почти черными пятнами, она стала судорожно хватать ртом воздух, и, если б не Вероника, которая вовремя поддержала ее, мать свалилась бы со стула. У нее была давняя ишемическая болезнь сердца — сердце частенько сдавало, особенно в минуты волнений, и мать, задыхаясь от удушья, нередко была между жизнью и смертью.

— В тумбочке... — еле слышно прошептала мать.

Вероника бросилась в комнату матери, схватила пузырек и вложила ей в рот сразу две таблетки. Мать проглотила их судорожным движением, не запивая водой.

Через какое-то время она попыталась приподняться со стула, Вероника помогла ей и осторожно повела ее в свою комнату. Люба смотрела им вслед с ненавистью. Она никогда не верила в болезнь матери. Ей казалось, мать просто-напросто ломает комедию, когда ей это нужно.

Уложив мать в постель, Вероника стала называть по ноль-три.

«Всполошились... — затравленно билось Любино сердце. — Плохо им... А Сережика нет. Нет!.. Как же так? Почему? Почему именно у меня?!» — И сами собой текли слезы.

«Скорая» приехала через тридцать минут. Любе тоже сделали укол — успокаивающий. Но успокоиться она не могла. Не могла ни успокоиться, ни уснуть. А словно проваливалась в бездну и, при-

ходя в себя, покрывалась липким потом. Кроме того, у нее нестерпимо болел низ живота — ребенок внутри как будто сошел с ума и в отчаянии колотил ножками так, что по животу буграми ходили волны. «Что я скажу Валентину? Что?!.»

А Валентин в это время еще не знал ничего. Он узнает обо всем только завтра...

Поздно вечером приехал Саша. Когда Люба была совсем маленькая, он, приходя к старшей сестре на свидание, приносил младшей подарки, чаще всего конфеты. И вообще вел себя так, будто Люба была ему ровней и все-все понимала как надо, как взрослая. Люба платила ему беспримерной преданностью: в ссорах его с Вероникой или матерью всегда принимала сторону Саши. Может, объяснялось это тем, что Люба росла без отца. А скорей всего — он просто вел себя с Любой так, как никто из взрослых: легко, весело, непринужденно, не читал мораль, не расспрашивал из вежливости об учебе, не подчеркивал без конца и без нужды, что она должна уважать и слушаться взрослых, что она еще маленькая, глупая, ничего не понимает в жизни. Какой это большой душевный дар — видеть в ребенке настоящего, сложного, равного себе человека! С тех пор прошло двадцать с лишним лет, но дружба между ними осталась не замутненной даже последними семейными ссорами, осталась чистой, поразительной на чужой взгляд.

Открыла Саше Вероника и, приставив палец к губам, выразительно показала на Любину дверь. Саша понимающе кивнул. От него пахло вином, но Вероника ничего не сказала, сдержалась. Саша на цыпочках прошел в Любину комнату.

Вероника постояла немного около двери и, услышав глухой всхлип: «Саша! Сашенька! Господи Боже мой, горе у меня какое-е!..» — ушла в комнату матери.

Люба повисла у Саши на шее, лицо у нее было безобразное, губы распухли, глаза пустые, стеклянные, нос разбух, под глазами синие в черноту впадины, волосы спутаны, — и вся она, в безумном горе, оглохшая, ослепшая, беременная, не похожая на себя, и слезы ее, и рыдания, и из глубины сердца рвущийся крик — все это раздавило Сашу, вынуло из него душу; все слова его, заготовленные впрок, потерялись перед неутешностью этого горя, и он только молча гладил ее волосы, и, пытаясь хоть что-то сказать в утешение, повторял только ее имя: «Люба! Любушка!.. Любонька!..»

В этой квартире Саша не был тоже больше полугода. Мать поругалась с Любой, Вероника взяла сторону матери, рассорилась с сестрой, и вот уже полгода Вероника выдерживала характер, не бывала здесь. Саша тоже не бывал, но несколько раз они встречались с Валентином на стороне. Крепко выпивали. Мужики они были слабохарак-

терные, повлиять на своих жен не могли и, почти не вмешиваясь в междоусобные женские дразги, позволили зайти семейной ссоре довольно далеко. Трудней всех оказалось Любе. Она осталась одна с маленьким Сережкой на руках, к тому же снова забеременела и решила рожать второго. Мать не помогала ни в чем, сестра не звонила, не приезжала: пусть знает, мол, каково оно — жить без помощи родных. Валентин раз в месяц уезжал в командировки — такая у него была работа, и Люба часто просто задыхалась, валилась с ног, и в конце концов ожесточилась: видеть не могла мать, ее невозмутимое высокомерное лицо, не могла слышать ее лицемерный голос, когда она подолгу разговаривала с кем-нибудь по телефону, жалуюсь на здоровье и в то же время без конца рассказывая, какой у нее растет веселый смышленный внук (все ведь спрашивали о нем, не подозревая, что в семье давно идет война).

Взаимная ненависть и неприязнь не ведали уже границ.

Люба наконец уснула, почувствовав рядом единственного человека, которому продолжала верить.

Потом Саша сидел в комнате тещи, молчал; молчал тяжело, упорно. Он, собственно, никого не обвинял. Вероника пыталась сохранить невозмутимость, но Саша-то ее знал, она была в растерянности, и ее тоже душило чувство неясной вины, хотя кто тут в чем виноват? Сердце у мате-